

Лариса Дериглазова

Жить не по лжи в условиях невообразимого

В эссе мне хотелось достичь двух целей: 1) выразить свое видение ситуации как аналитической задачи, требующей экспертной оценки для выбора стратегии и тактики ее решения; 2) выразить мнение о том, что могут делать образованные люди в Украине и России для того, чтобы способствовать скорейшему прекращению и разрешению этого «невообразимого» конфликта. Конфликт в Украине и между Россией и Украиной с участием ведущих игроков мировой политики выявляет многие особенности современных международных конфликтов в странах демократического транзита. Моральным императивом каждого образованного и неравнодушного человека в Украине и России должно быть следование формуле «жить не по лжи», которую сформулировал Александр Солженицын в 1972 году.

Ключевые слова: международные конфликты, демократизация, войны по доверенности.

Keywords: international conflicts, democratization, "proxy wars".

In this essay the author assesses a conflict situation as an analytical problem that demands the choice of an appropriate strategy and tactics for solution. The author explores what educated people in Ukraine and Russia could do to bring the current "unthinkable" conflict to an end. This conflict, which involves leading world actors, demonstrates many features of current international conflicts in countries experiencing democratic transition. Each educated and conscientious person in Ukraine and Russia should follow the moral formula "not to live by lies," as was suggested by Alexander Solzhenitsyn in 1972.

Keywords: international conflicts, democratization, "proxy wars".

Двадцать лет назад я училась в магистратуре по изучению проблем мира в США, университет Нотр-Дейм, штат Индиана, и для одного из курсов меня попросили написать работу о возможности конфликта между Украиной и Россией. Вывод моей работы о «невообразимости» жесткой конфронтации и вооруженного конфликта между нашими странами явно не удовлетворил моего американского профессора, который исходил из формального анализа наличия конфликтного потенциала¹.

¹ Тезис о «немыслимости» или «невообразимости войны» (unthinkable, impossible war) был сформулирован в конце 1940-х – начале 1950-х гг. в отношении угрозы новой мировой войны между великими державами с использованием ядерного оружия. Тезис о «невообразимости войны» подчеркивал неприемлемость войны как средства рациональной политики, где ответственные национальные лидеры должны тщательно взвешивать все последствия выбранной стратегии.

Конфликт в Украине и между Россией и Украиной в той форме, в которой он разворачивается последние полтора года, вызывает у многих чувство «невообразимости» происходящего, когда линия фронта и конфронтации прошла не только между «политически организованными сообществами», но и через семьи, дружбы и многолетние человеческие отношения. Причем такое мнение скорее существует именно у русских и украинцев, но не у сторонних наблюдателей, для которых данная ситуация отражает почти закономерное развитие событий после распада СССР, или, кто-то скажет, возникшее с созданием СССР, или с вхождением Украины в Российскую империю, или присоединением Западной Украины к СССР. Интерпретация истории и исторических событий, переосмысление опыта совместного проживания народов всегда подвергаются ревизии в период политических деконструкций.

Сегодня писать на тему конфликта в Украине, конфликта между Россией и Украиной, который вовлек в свою орбиту ведущие мировые державы, равносильно хождению по канату или по лезвию ножа, так как грозит не только потерей эмоционального равновесия и аналитической беспристрастности, но и может ненамеренно ранить. Каждая формулировка, каждое слово, бесконечное количество раз взвешенное и выверенное, при соприкосновении с бумагой или озвучивании рождает массу интерпретаций и коннотаций, неизбежно вызывает оценку со знаком «плюс» или «минус». Это ситуация, когда почти невозможной кажется попытка выразить свою мысль или мнение, не будучи обвиненным в предвзятости или ангажированности. Степень эмоциональности вовлеченных сторон увеличивается с каждой потерянной жизнью и страданием в каждый день этого, казалось бы, невозможного еще пару лет назад конфликта.

Говорить и писать сегодня о конфликте в Украине и между Украиной и Россией означает почти автоматическое отнесение к «своим» или «чужим» даже по формальному признаку выбора языка, на котором ты говоришь или пишешь. Язык нередко становится не просто маркером и основной идентичности, но часто сопровождается номинируемой или приписываемой политической лояльностью, когда ставят знак равенства между языком и государством и государственной идеологией. Я выбрала русский язык для написания этого эссе только потому, что это мой родной язык, именно на нем я могу максимально точно выразить себя.

Осознавая всю сложность поставленной задачи, мне хотелось бы достичь двух целей в своем эссе: 1) как специалисту в области международных конфликтов, мне хотелось бы выразить свое видение ситуации как аналитической задачи, требующей экспертной оценки для выбора стратегии и тактики ее решения; 2) как человеку, чьи прадеды были сосланы в период советской коллективизации из Западной Украины на Дальний Восток, и для кого кровные узы и дружеские связи имеют силу, мне хотелось бы выразить мнение о том, что могут делать образованные люди в Украине и России для того, чтобы способствовать скорейшему прекращению этого немыслимого, невообразимого конфликта.

Как ученый, я могу констатировать, что конфликт в Украине и между Украиной и Россией выявляет многие особенности современных конф-

ликтов, о которых так много пишут после окончания «холодной войны». Украина столкнулась с ситуацией, через которую прошли или все еще находятся в ней Россия, страны бывшей Югославии (включая Косово), Ирак, Сирия, Ливия и многие другие страны. Эти конфликты порождены проблемами развития неоднородных обществ, где многие противоречия подавлялись или игнорировались на протяжении десятилетий. Нередко толчком к эскалации внутренних конфликтов стало разрушение предшествующих государственных и силовых структур, которые удерживали конфликтный потенциал в существующих рамках.

Самюэль Хантингтон (Huntington, 1991), анализируя особенности «третьей волны демократизации» в странах Латинской Америки, Центральной и Южной Европы в 1970–80-е годы, назвал восемь основных контекстуальных (contextual) проблем, с которыми столкнулись страны демократического транзита: 1) оппозиционные движения в виде партизанских или повстанческих движений; 2) этнические или общинные (communal) конфликты; 3) исключительная бедность населения; 4) крайнее социально-экономическое неравенство; 5) хроническая инфляция; 6) большой внешний долг; 7) проблема терроризма (помимо повстанческих движений); 8) активное вовлечение государства в экономику страны. Сочетание нескольких из перечисленных факторов могут приводить к отказу от демократических принципов в политике и разочарованию в идее демократии в целом¹.

С окончанием «холодной войны» на волне демократизации многие латентные конфликты были актуализированы через массовое участие людей в политических, экономических и социальных преобразованиях. Во многих конфликтах главной идеологией становится идея национального возрождения, требующая компенсации, нередко материальной, за десятилетия несправедливости и унижений. Новая политическая элита активно использует потенциал массовой мобилизации для решения своих кратко- и среднесрочных задач. Нередко народный подъем приводит к массовому насилию под националистическими лозунгами. В середине 1990-х гг. на эти особенности конфликтов в странах демократического транзита обратили внимание политолог Джек Снайдер и ис-

¹ Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. – University of Oklahoma Press, 1991. – P. 253–254.

торик Эдвард Мэнсфилд. Работы этих авторов ¹, указывающих на наличие корреляции между демократизацией и насилием, вызвали бурю обсуждения в академических кругах, так как фактически ставили под сомнение теорию демократического мира и оспаривали ценность политики распространения демократии, практикуемую развитыми странами Запада.

Современные войны или вооруженные конфликты не похожи на конвенциональные войны между государствами с участием регулярных армий. По меткому определению британского генерала Руперта Смита, их можно определить как «войны среди людей» (*war amongst the people*), в которых зона военных действий и воюющие неотделимы от гражданского населения и гражданских объектов. Такая ситуация рождается в результате активного участия в вооруженных конфликтах различного рода нерегулярных вооруженных формирований, которые для одних людей являются «бандитами и террористами», а для других – «добровольцами и народными героями». В таких условиях многие положения, ограничивающие насилие в отношении гражданского населения, не работают, а законы и правила войны нарушаются вольно или невольно. Один из главных выводов Р. Смита – о невозможности решения современных конфликтов при помощи военной силы ² – является скорее привычным для опытных военных, хотя по-прежнему критически оценивается более воинственными политическими лидерами, полагающими, что война является приемлемой стратегией решения политических проблем.

Еще одна характерная особенность современных вооруженных конфликтов, отчетливо фиксируемая в конфликте в Украине и по поводу Украины, это оказание поддержки нерегулярным вооруженным формированиям со стороны вовлеченных государств. Этот феномен был отмечен в период «холодной войны» и получил название «войн по доверенности» (*proxy war*). Ставка на нерегулярные вооруженные силы разного происхождения, имеющие разную мотивацию для участия в конфликте, позволяет государственным игроками решать ряд проблем, связанных с использованием регулярных войск. Это помо-

гает вовлеченным странам избежать ответственности за происходящее, однако позволяет им надеяться на получение «дивидендов» в случае решения конфликта по желаемому сценарию. Массовый патриотический подъем нередко эксплуатируется для «отвода» народного гнева и его переориентации в необходимое для политической элиты русло. Однако привлечение нерегулярных формирований часто порождает проблему контроля за действиями «народных армий», которые не всегда готовы подчиняться указаниям центральной власти или следовать наставлениям советников.

Как следствие, «войны по доверенности» с привлечением нерегулярных формирований из числа ополченцев, добровольцев, народной милиции и тому подобное приводят к повсеместному нарушению законов и обычаев войны, ограничивающих насилие и возлагающих ответственность на политических лидеров и командиров, создают «серую зону» безвластия, где государства уходят от ответственности, передоверяя свои интересы негосударственным игрокам. Поставки оружия, поддержка военными специалистами, мотивирование на участие в военных действиях, – все это трудно доказуемые деяния в условиях отсутствия законной признанной власти либо фактического двоевластия или безвластия. В то же самое время, в рамках демократической теории, народный подъем, народное самовооружение является признанной формой политической борьбы против тирании и авторитарных режимов. Нередко внешние силы конфликта в лице развитых демократических стран попадают в «ловушку интенций», определяя своего союзника по принципу оппозиционности авторитарному режиму.

Другой особенностью современных конфликтов, проявленной в рассматриваемой ситуации, является интернационализация конфликта через активное вовлечение в его динамику внешних сил, преследующих собственные интересы. Интересы внешних участников неизбежно приводят к интерпретации существующего конфликта в рамках собственного видения мира с учетом своих интересов. Нельзя не отметить и то, что внешние силы становятся «заложниками» собственной идеологии, основные принципы которой активно используют стороны конфликта для достижения своих интересов. В таких условиях современные конфликты все чаще представляют собой сложно переплетённые зависимости нелинейного характера. Однако жесткое правило

¹ Snyder J., Mansfield E. *Electing to Fight: Why Emerging Democracies Go to War*. – Cambridge: MIT Press, 2005; Snyder J. *From Voting to Violence: Democratization and Nationalist Conflict*. – W. W. Norton, 2000.

² Smith R. *The utility of force. The art of war in the Modern World*. – New York: Alfred A. Knopf, 2007.

политического анализа на основе реалистического подхода диктует, что для понимания внутренней динамики конфликта необходимо анализировать то, кто получает выгоду от существующей ситуации.

Одним из очевидных следствий конфликтов, которые происходят между народами, странами и группами, является усиление поляризации сторон, использование стереотипов и усиление пропагандистских приемов в изложении информации, представлении фактов и интерпретаций событий. Все эти явления связаны с намеренным или объективным сужением источников информации; схематизацией и упрощением происходящих процессов; уменьшением прямых контактов между представителями конфликтующих сторон. В условиях конфликта происходит большее сосредоточение на эмоциональной, а не на рациональной стороне событий, аналитика уступает место манипуляции общественным мнением. Пропаганда¹ используется для мобилизации населения конфликтующих сторон, для поддержки политических элит, которые выступают за продолжение и эскалацию конфликта. Объективным критерием, который указывает на заинтересованность в продолжении конфликта, являются действия так называемых «партий войны», которые призывают население бороться до победы и выражают свое неодобрение и даже презрение сторонникам «партий мира и компромисса». Признаками усиления пропаганды является попытка переписывания истории в нужном для политических элит ключе для оправдания выбранного курса на эскалацию конфликта либо легитимацию использования силы.

В условиях продолжающегося конфликта в Восточной Украине, мы наблюдаем очень схожее развитие событий как в Украине, так и в России. Пропаганда вместо информации, мобилизация для «победы» вместо нахождения компромисса, необходимого для достижения мира; упрощение и схематизация вместо стремления понять комплексные проблемы и найти способы их решения. Конфликт в Восточной Украине уже привел к формированию полярных позиций у жителей Украины и России. Все это ведет только к эскалации конфликта, росту жертв, потере доверия и способности договариваться, – все это логика конфликта с «нулевой суммой», в котором должны быть «победители и проигравшие».

¹ Пропаганда отличается от информационного освещения событий намеренным искажением или предвзятым изложением фактов, а также их оценки.

В условиях конфликта жители России, Украины и Европы подвергаются сильнейшему давлению двух самых больших страхов XX века, которые вызывают не только воспоминания, но и сильнейшие эмоции – страх тоталитарных режимов и страх всеобщей войны. Вся послевоенная история Европы основана на борьбе – внутренней и внешней – против «соблазнов» простого решения сложных проблем, против губительного идеализма.

Конфликт в Украине и между Украиной и Россией можно назвать асимметричным конфликтом, с активным участием негосударственных действующих лиц и внешних сил, в котором применение вооруженной силы не приносит победы ни одной из вовлеченных сторон, однако лишает стороны возможности сесть за стол переговоров с реальным намерением найти политическое решение. Конфликтующие стороны, находясь в плену политических амбиций своих лидеров, усугубляемых давлением со стороны внешних сил, почти неизбежно обречены на долголетнее противостояние и истощение. Станет ли урегулирование конфликта результатом смены политического лидерства или требований людей, уставших от кровопролития, трудно предугадать. На протяжении более полутора лет казалось, что крайняя точка конфликта достигнута, и переговоры неизбежны. Однако достигнутые договоренности по-прежнему не привели к действительному урегулированию.

Украина и Россия стали заложниками собственных политических лидеров и национальных идеологий, сформированных в постсоветский период. Политические лидеры в своих амбициях и политических программах выражают мнение или волю значительной части населения. При этом для реального урегулирования конфликта необходимо критическое переосмысление политики и идеологии, которые реализуют обе страны.

Что можно сделать в такой ситуации мобилизации населения конфликтующих стран для того, чтобы прекратить насилие и разорвать цепочку взаимных упреков и обид? Какова роль образованных людей, экспертов в этом? На мой взгляд, образованные люди, в первую очередь, должны:

- 1) направить свое пристальное внимание на события в своей стране с целью обнаружения и показа наличия пропаганды вместо информации;
- 2) осознанно отказаться от искажения и переписывания истории;

- 3) пристрастно относиться к поведению политической элиты своей страны;
- 4) показывать сложность и комплексность проблем в противовес их упрощению;
- 5) изучать процессы и события в своей стране, которые стали причиной разворачивающихся событий в Восточной Украине;
- 6) сопротивляться манипуляциям, основанным на страхах, эмоциях и искаженных фактах.

Мне представляется очень важным обсуждение «невообразимости» происходящего, понимание ответственности политических лидеров и простых людей за развязывание войны и военные действия, за участие в военных действиях, без обвинений другого, но с пониманием той ответственности, которую несет каждая вовлеченная сторона, включая европейских и американских партнеров.

Учитывая высокую степень ангажированности средств массовой информации, обязанностью каждого эксперта является следование формуле, которую предложил Александр Солженицын в своем эссе «Жить не по лжи!» в феврале 1972 г. В этом коротком сочинении звучит яростный призыв не только идеалиста, но и прагматика к советским людям, жившим в условиях идеологической тотальности: «Пусть ложь всё покрыла, пусть ложь всем владеет, но в самом малом упрёмся: пусть владеет не через меня!». Александр Исаевич предложил настоящую программу действий, которая актуальна сегодня как никогда и доступна для русских и для украинцев, и которая будет препятствовать бесконечному воспроизведению лжи во имя победы, которой не может быть. И пусть каждый с этого дня:

- «впредь не напишет, не подпишет, не напечатает никаким способом ни единой фразы, искривляющей, по его мнению, правду;
- такой фразы ни в частной беседе, ни многолюдно не выскажет ни от себя, ни по шпаргалке, ни в роли агитатора, учителя, воспитателя, ни по театральной роли;
- живописно, скульптурно, фотографически, технически, музыкально не изобразит, не сопроводит, не протранслирует ни одной ложной мысли, ни одного искажения истины, которое различает;
- не приведёт ни устно, ни письменно ни одной “руководящей” цитаты из угождения, для страховки, для успеха своей работы, если цитируемой мысли не разделяет полностью или она не относится точно сюда;

- не даст принудить себя идти на демонстрацию или митинг, если это против его желания и воли; не возьмёт в руки, не подымет транспаранта, лозунга, которого не разделяет полностью;
- не поднимет голосующей руки за предложение, которому не сочувствует искренне; не проголосует ни явно, ни тайно за лицо, которое считает недостойным или сомнительным;
- не даст загнать себя на собрание, где ожидается принудительное, искажённое обсуждение вопроса;
- тотчас покинет заседание, собрание, лекцию, спектакль, киносеанс, как только услышит от оратора ложь, идеологический вздор или беззастенчивую пропаганду;
- не подпишется и не купит в рознице такую газету или журнал, где информация искажается, первосущные факты скрываются»¹.

¹ Солженицын А. И. Жить не по лжи! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/publizistika/stati_i_rechi/v_sovetskom_soyuze/jzit_ne_po_ljzi.pdf.